

(Примечание: В исходном тексте маркер отсутствует, но для соблюдения структуры и единообразия тегов навигации разрыв сохранен)

\*\*\*

В апреле Ся Чэню пришло время держать путь в губернский город, на экзамен ступени фуши. Дорога от родного порога до управы была неблизкой: даже на быках трястись приходилось больше суток. Благо в последние годы в Великой династии Ань воцарилось относительное спокойствие — разбойников в лесах поубавилось. И всё же отпускать двенадцатилетнего отрока одного домашние не решились.

Другие молодые ученые уезда, собиравшиеся держать тот же экзамен, устраивались кто как мог. Семьи побогаче снаряжали собственные повозки, те же, чей достаток был скромнее, договаривались со здешними купцами. За малую мзду их брали под крыло торговые караваны — сообща ехать куда безопаснее.

Юных соискателей вроде Ся Чэня в уезде Цинъян набралось пятеро. Кроме него, ехал Мэн Минцзюнь — младший сын наставника Мэна. Мальчишка, бывший на два года младше Чэня, обладал истинным талантом к наукам и в познаниях ничуть ему не уступал. Остальным троим едва минуло шестнадцать, прочие же кандидаты были зрелыми мужчинами за двадцать, за плечами которых лежала не одна попытка.

Семейство Ся не поскупилось на два серебряных ляна для крупнейшего торгового дома в уезде, выкупив два места. Сопровождать Ся Чэня вызвался отец, Ся Ци, чтобы присмотреть за сыном в пути. У наставника Мэна внезапно занедужила супруга; домочадцев у него было мало, оставить больную не на кого, поэтому, пользуясь тесной дружбой с семьей Ся, он доверил своего Мэн Минцзюня заботам Ся Ци.

Ся Чэнь собрался загодя. На всякий случай прихватил Вечную рогатку, а Нань-гээр заботливо отсыпал ему целый мешочек ровных, гладких голышей. Воинское искусство у наставников Чэнь так и не освоил — не хватило терпения, зато в меткости преуспел. Хоть учителя и натаскивали его на стрельбу из лука, законы баллистики везде одинаковы. Теперь Ся Чэнь без труда сбивал воробьев на лету, попадая в девяти случаях из десяти.

В день отъезда Ся Цзиньцзы довез отца и младшего на телеге до уездного города. Наставник Мэн с сыном уже ждали у подворья торгового дома. Передав Мэн Минцзюня с рук на руки Ся Ци, учитель еще раз строго наказал мальчику во всем слушаться старших.

Минцзюнь, хоть и рос книжным червем, отличался кротким и покладистым нравом. За четыре года учебы за одной партой они с Ся Чэнем успели искренне сдружиться.

Вскоре караван тронулся. Путников расселили по подводам с товаром. Ся Чэню с отцом

повезло: их телега была нагружена рулонами тонкого сукна и вышивкой, от которых пахло лишь чистой тканью, в отличие от повозки по соседству, где везли сырые кожи. От тамошней вони у непривычных людей голова шла кругом.

С самого утра Ся Чэнь заметил, что друг сам не свой. Он сидел понурившись, а глаза его подозрительно покраснели, будто он недавно плакал.

Решив, что десятилетний мальчишка просто робеет перед первой долгой разлукой с домом, Ся Чэнь попытался отвлечь его разговорами. Впереди ждал важный экзамен, и кислые мысли могли изрядно подпортить результат. Однако стоило Чэню сказать пару подбадривающих слов, как глаза Минцзюня снова налились слезами.

Ся Чэнь растерялся и принялся поспешно утешать товарища, расспрашивая о причине такой кручины. Минцзюнь давно привык видеть в Ся Чэне надежного старшего брата, а потому, всхлипнув, излил душу:

— Вчера вечером я нечаянно подслушал, как ругались отец с матерью... Матушка говорила, что не нужно было слушать отца. Надо было забрать младшего дядю с собой. А теперь... они нарушили уговор. Дядя отчаялся и ушел в монахи.

От столь внезапного откровения Ся Чэнь на мгновение опешил. А Минцзюнь уже не сдерживал слез:

— Матушка как узнала об этом несколько дней назад, так от гнева кровью зашлась. Очень я за нее боюсь...

— Ну-ну, полно тебе, — Ся Чэнь принялся бережно утирать слезы с лица ребенка. — Наставник Мэн рядом, он присмотрит за ней. Матушке твоей обязательно полегчает. Ты только сдай экзамен как следует, вернешься домой с доброй вестью — она от радости вмиг на ноги встанет.

Из путаных, сквозь слезы, объяснений Минцзюня Ся Чэнь постепенно восстановил картину случившегося.

Оказалось, у госпожи Мэн был младший брат. Еще в детстве их семьи, дружившие много лет, заключили соглашение: связать мальчика узами названного союза с сыном той семьи. По достижении совершеннолетия они должны были совершить обряд согласия и стать супругами.

В Великой династии Ань подобные союзы между мужчинами не были редкостью и охранялись законом наравне с обычными браками, повторным замужеством вдов или правами женщин-глав семейств. Когда Ся Чэнь только узнал об этом, он был немало удивлен — в его прежнем мире многие до сих пор считали подобное отклонением, а здесь закон стоял на страже таких чувств.

В свое время и род наставника Мэна, и семья его супруги пришли в упадок. Из близких у госпожи Мэн остался лишь этот маленький брат. Сама она уже была замужем и собиралась забрать сироту к себе, на что наставник Мэн охотно согласился. Однако старые друзья, с чьим сыном мальчик был помолвлен, не только не расторгли соглашение из-за бедности невесты, но и вызвались сами забрать его к себе в столицу, чтобы дать ему достойное образование вместе со своими детьми.

Императорская столица предлагала совсем другие возможности, нежели глухой уезд. Заботясь о будущем брата и зная, что тот не желает разлучаться со своим нареченным, госпожа Мэн согласилась.

Все эти годы весточки из столицы приносили лишь радость: брат рос в достатке и ни в чем не нуждался. Семья Мэн была безмерно благодарна благодетелям. Но стоило подойти сроку свадьбы, как те внезапно пошли на попятную — решили женить своего сына на благородной девице.

Хоть Младший дядя Мэн в письмах и пытался оправдать бывших заступников, госпожа Мэн не вынесла предательства. Она вернула все богатые дары, присланные в знак расторжения помолвки, и слегла в горячке.

"Ну и подлец! — мысленно возмутился Ся Чэнь. — Если не легла душа, зачем было парню голову столько лет морочить?"

Конечно, его суждения были пристрастны из-за дружбы с семейством Мэн, но суть дела от этого не менялась. В Великой династии Ань в названные союзы вступали уже зрелыми мужчинами, детские помолвки среди мужчин случались редко. Если родители пошли на это, значит, их сын в детстве сам слезно умолял об этом союзе. И вот, спустя годы, он преспокойно берет в жены женщину, выставив прежнего возлюбленного за порог. Чистой воды предательство.

За разговорами дорога показалась короче, и Ся Чэню наконец удалось вернуть Минцзюню доброе расположение духа. К вечеру караван остановился на ночлег у придорожного постоянного двора. Пропитание в услуги не входило, так что каждый устраивался как мог.

Отец достал из дорожного мешка рисовые колобки. Идея со снаряжением такой провизии принадлежала самому Ся Чэню. Матушка порывалась напечь в дорогу пышных мясных баоцзы — с тех пор как сын научил домашних ставить тесто на закваске, домашний хлеб и пирожки прочно вошли в их рацион. Но Ся Чэнь рассудил здраво: холодные баоцзы теряют былую мягкость, черствеют и безбожно крошатся. То ли дело плотные рисовые шарики с начинкой — и сытно, и остывшие вкуса не теряют.

К колобкам прилагался изрядный запас вяленой говядины и сушеной свинины, заботливо заготовленный невесткой Цяонянь. Сдобрив этот нехитрый ужин кружкой бесплатного кипятка от трактирщика, путники насытились на славу.

Экзамен фуши прошел без сучка и задоринки. Вернувшись домой, Ся Чэнь невольно поймал

себя на мысли, что учеба в древнем Китае — удел людей обеспеченных. Эта поездка, включая дорогу и постой, обошлась семье в добрых десять лянов серебра — для простого пахаря сумма неподъемная, за год столько не скопить.

Когда огласили списки, и имя Ся Чэня, и имя Минцзюня оказались среди сдавших. Правда, оба юноши ютились в самом хвосте перечня, что делало их шансы на следующем этапе — провинциальном экзамене юаньши — призрачными.

Ся Чэнь, впрочем, не питал иллюзий на свой счет, а потому воспринял результат философски. Зато домашние ликовали так, словно он уже стал придворным чиновником. Ся Ци закатил пир горой, создав всех шуринов и родичей.

Сам Ся Чэнь, привыкший равняться на великих мужей из прочитанных им книг, недооценивал собственное достижение. А ведь двенадцатилетний туншэн — явление из ряда вон выходящее. Прежде односельчане относились к внезапно разбогатевшему семейству Ся с легкой завистью, но стоило Чэню сдать фуши, как их взгляды наполнились искренним почтением. Одно дело — нажить добро торговлей, и совсем другое — вырастить ученого мужа.

Экзамен юаньши был назначен на август. Вернувшись в деревню, Ся Чэнь вновь погрузился в книги. За это время из генеральского поместья дважды присылали подарки: легкие шелковые отрезы на лето и корзины спелых южных фруктов, на которые семья Ся незамедлительно отвечала взаимностью.

Как-то раз Чэнь подслушал разговор Ван У и Лю Сы о новостях из резиденции генерала Фу. Оказалось, его названный старший брат, Фу Чжань, умудрился сбежать из-под венца. Семейство Ся в свое время даже отправляло свадебные дары, а тут такой конфуз — новоиспеченный жених дал стрекача.

Ся Чэнь лишь покачал головой, подивившись бунтарскому духу древней молодежи, и тут же выбросил это из головы. Своих забот хватало.

В августе Ся Ци вновь сопровождал сына и Минцзюня, на этот раз в уездный город на юаньши. Путь туда лежал неблизкий — трястись по ухабам пришлось четыре дня.

От бесконечной качки на жесткой телеге у Ся Чэня нещадно затекло всё тело. Мысленно он взывал, обращаясь к Системе:

"Тунбань, умоляю, выбей мне из своих запасов хоть какую-нибудь приличную коляску с рессорами! Я же не перенесу обратную дорогу!"

Система Тунбань отозвалась с привычным хладнокровием:

[И куда ты её денешь? — бесстрастно отозвался Ся Тунбань. — Как объяснишь появление

самобеглой коляски перед отцом?]

"Эх... твоя правда", — уныло вздохнул Ся Чэнь. Коляска — не семечко, в карман не спрячешь. Пришлось терпеть.

Настоящим потрясением стало то, что Ся Чэнь умудрился сдать юаньши. Наверное, помогло редкое везение: он зацепился за самый край списка, став последним из зачисленных.

И тем не менее, последнее место давало те же права — отныне двенадцатилетний Ся Чэнь официально именовался уважаемым сюцаем. Минцзюнь, увы, срезался, хоть обычно и учился лучше своего друга. Похоже, в решающий момент мальчик просто не справился с волнением.

Наставник Мэн только диву давался. По его расчетам, Ся Чэню еще не хватало глубины познаний. Он заставил ученика по памяти воспроизвести экзаменационное сочинение и вынужден был признать: парень превзошел сам себя. Слог его в тот день превосходил обычный уровень на голову. Оставалось лишь признать, что Ся Чэнь из тех редких людей, кто раскрывается во всей красе именно в стрессовой обстановке экзаменационного зала.

Раз уж звание сюцая карман не тянуло, следовало готовиться к следующей ступени — провинциальному экзамену сянши, который должен был состояться через год. Наставник Мэн рассудил здраво: пусть Ся Чэню пока не хватает опыта для получения степени цзюйжэня, попытать счастья стоит. В его годы любой экзамен — это прежде всего закалка характера и подготовка к будущим триумфам.

В августе следующего года Ся Чэнь в сопровождении отца вновь отправился в путь. В уездном городе они остановились в уже знакомом трактире, так что устроились быстро и без лишней суеты.

Чуда не произошло: этот экзамен Ся Чэнь провалил. Везение — штука хорошая, но без прочной базы цзюйжэнем не стать, а Чэнь пока объективно недотягивал. Впрочем, юноша ничуть не расстроился. Сюцай в тринадцать лет — и так запредельный результат. Напоследок он накопил местных гостинцев для домашних, а перед самым отъездом провернул одно дельце, о котором позабыл в прошлый раз: тайком набрал пригоршню земли прямо у ворот экзаменационного двора.

Уж очень ему хотелось проверить одну догадку: повлияет ли витающая над этим местом Сила словесности на его чудесные семена?

Расчет оказался верным. Стоило посадить чудесное семя в эту почву, как оно дало невероятные всходы. На этот раз выросло диковинное растение, принесшее три крупных стручка, в каждом из которых таилось от четырех до шести круглых горошин.

Опробовав находку в деле, Ся Чэнь понял, что вырастил не что иное, как легендарный Горохострел из игры своего прежнего мира. Стоило бросить горошину на землю, как она

мгновенно прорастала в полутораметровый стебель с упругим раструбом на конце. Дальность стрельбы у этой живой турели составляла добрых тридцать шагов, а убойная сила внушала благоговейный трепет — тяжелые зеленые снаряды оставляли глубокие вмятины в стволах деревьев. Горохострел мог безостановочно вести огонь в течение пяти минут, выпуская по снаряду в секунду. Во время испытаний Ся Чэнь ради любопытства натравил его на дерево толщиной в руку — бедный ствол разнесло в щепки, и тот рухнул от легкого толчка.

Штука вышла забавной, да только в мирной жизни совершенно бесполезной. Покажи он такое чудо соседям — у тех точно рассудок помутится от страха.

Ся Чэнь долго размышлял, почему земля у экзаменационного зала дала именно такой воинственный плод. В конце концов он пришел к единственному логичному выводу: видимо, тамошние ученые мужи за долгие годы превзошли все мыслимые пределы в искусстве словесного обстрела оппонентов.

<http://bllate.org/book/18260/1760827>